

*Оно одно спасет меня от смерти.
Прощай, любовь, души сладчайший плен,
Тебя, унизив, превратили в тлен.
Шакою ты была тогда ошибкой,
Утехою обманчивой и зыбкой.
И вам поведать должен я сейчас,
Что больше не хочу я видеть вас.
Теперь любовь другая мне любима,
Она нетленна, непоколебима.
Устал от вас и ваших я причуд –
Я только ей отдам себя на суд.
Уйдите, скройтесь с глаз моих до гроба,
Притворство, хитрость женская и злоба,
Коварство ваше, что, меняя вид,
Мне душу и терзает и томит!
С меня довольно и надежды ложной,
И бед, и ада муки безнадежной,
И пламени, подобного смерчу,
Проститься с вами я навек хочу –
И чтоб все сква не могло начаться,
Расстаться так, чтоб больше не встречаться!*

Письмо это поразило Королеву. Читая его, она плакала и горько раскаивалась. Она потеряла верного слугу, который любил ее такой беззаветной любовью, что никакие сокровища, ни даже все ее королевство ничего не значили в сравнении с этой утратой, которая сделала ее несчастнейшей из женщин. И, выслушав мессу и вернувшись к себе, она впала в такое горе, которое вполне заслужила своей жестокостью. И не было в стране таких гор и лесов, где бы посланцы ее не разыскивали отшельника, но тот, кто вырвал его из ее рук, ей больше его не вернул и, должно быть, взял его в рай раньше, чем она что-нибудь о нем узнала.

– Из рассказа этого явствует, что не следует признаваться в своем чувстве, если это признание только вредит и ничем не может помочь. И вот что еще того важнее, благородные дамы: даже если вы не верите признаниям мужчины, не подвергайте его искусу столь тяжелому, что он ему может стоить жизни.

– Право же, Дагусен, – сказал Жебюрон, – всю жизнь мне только и приходилось слышать об исключительных добродетелях той, о ком вы только что рассказали, но сейчас я убедился в ее жестокости, доходящей едва ли не до безумия.

– Во всяком случае, – сказала Парламента, – мне кажется, что не было ничего худого в том, что за эти семь лет она хотела проверить, действительно ли он ее любит так, как говорит. Мужчины в подобных случаях так привыкли лгать, что, прежде чем им поверить (если только им вообще надо верить), их следует испытывать, и чем дольше, тем лучше.

– И все-таки дамы на самом деле гораздо умнее, – возразил Иркиан, – большинство их за семь дней могут убедиться в том, на что иным требуется семь лет.

– Да, это так, – сказала Лонгарина, – но здесь среди нас есть дамы, чьей любви приходится помогать дольше, чем семь лет, и все испытания огнем и водой для них ничего не значат.

– Я несколько не сомневаюсь, что вы говорите правду, – воскликнул Симонто, – но такие вещи случались в былые времена, а теперь никто бы этого не вытерпел.

– Надо, однако, сказать, – заметила Уазиль, – что дворянин этот должен был благодарить свою даму – она ведь направила все его помыслы к богу.

– Счастье еще, что он по дороге наткнулся на бога, – воскликнул Сафредан, – удивительно, как с такой тоски он не обратился к дьяволу.

– Вы что, видно, сами обращались к помощи этого господина, когда ваша дама обошлась с вами худо? – спросила Эннасюита.

– Тысячу раз, – отвечал Сафредан, – но дьявол отлично понимал, что муки ада ничто в сравнении с теми муками, которые она мне причинила, и он остался глух ко всем моим уговорам, понимая, что он со всеми своими кознями совершеннейшее ничтожество в сравнении с дамой, кото-